

Мешәдә жел дежил бу выйылдајан,
Дагдаи да ахмајыр буланыг чајлар,
Бу Шахта бабадыр кешикдә дуран,
Мүлкүнә баш чәкир бөјүк мүлкәдар.

Бахыр ки, мешәләр нә һалда дурур,
Јахшымы силнимиш чыгыр изләри?
Бир јердә галмышы чатлаг, ја чухур
Мешәнин вармыдыр бош галан јери?

Шам ағачларынын јумшагмы башы?
Көзәлми палыдын ачан нахышы?
О кичик ја бөјүк суларда нә вар...
Мөлһәм бәркнимиши дејүлән булар?

Несомненной заслугой Абдуллы Шанка явилось приближение к подлиннику и в форме стиха. Одиннадцатисложный хеджа хорошо воспроизводит песенную, сказовую интонацию подлинника, его фольклорную основу. Музыкально-стилистическое чутье Абдуллы Шанка не обходит и звуковую организацию оригинала. «Звукопись в переводе должна быть как бы нечаянной и спаянной со смыслом» [2], — пишет Н. Любимов.

Так и здесь. Звукопись переводчик мастерски рисует картину зимней природы и черты ее мощного властелина—Мороза.

Так, например, в строке

— Мешәдә жел дежил бу выйылдајан
— Не ветер бушует над бором

сочетания звуков Ј, Л, Д создает иллюзию зимнего ветра, звенящего по морозе в лесу.

Использование шипящих в предложении

— Шам ағачларынын јумшагмы башы?
— Пушисты ли сосен вершины?

помогает зрительному восприятию русского пейзажа—леса, окутанного снежным покровом и вместе с тем переводит звукопись самого оригинала. Перевод, исполненный в метре неторопливого одиннадцатисложника, как бы повторяет мощную, размеренную поступь сказочного воеводы — Мороза. Таким образом, в небольшом отрывке, воссозданном Абдулла Шанком, успешно отражены художественные особенности всей поэмы, в которой «проникновенно раскрыта самая суть народной души» [1].

Несколько иначе, чем в поэме, раскрываются образ простого крестьянина и сама народная жизнь в стихотворении «С работы», в котором Некрасов показывает безысходный трагизм положения крестьянина.

Анализ перевода этого стихотворения показывает, что стилисты, черты произведения, его некрасовское, народное начало Абдулла Шанк доносит до родного читателя как истинный художник.

Здравствуй хозяйшка! Здравствуйте детки!

Выпить бы. Эки стоят холода.

—Ии ты забыл, что наменил последки

Выпил с десятником?—

Ну, не беда!

И без вина отогреюся я, грешный.

Ты обряди-ка савраску, жена,

Поголодал он весною, сердечный,

Как подобались сена.

Салам, еј, гары, еј чолуг-чочуг!

Галх бир аз ички вер, сојугдур, сојуг.

— О күн оибашилә ичдин һәр нә вар!

— Ејби јох, онсуз да чаным гызышар.

Еләјсә галх, ата гуллуғ ет бары,

Јазда ачлыг чәкиб, дур, чогаг гары!

В переводе—простая лексика, подчеркнута крестьянский словарь, естественная разговорная интонация. С такой же безыскусственностью, как в оригинале, не сгущая красок, передает Абдулла Шанк трагизм крестьянского быта—измученному тяжелым трудом главе семьи в доме не находится даже крошки хлеба.

Простота в повествовании, так же как и в оригинале, только усиливает социальную направленность стихотворения. Недаром оно при жизни Некрасова подвергалось цензурным гонениям, а после его смерти запрещалось для массовых изданий и публичных чтений.

Стихотворение «Несжатая полоса», написанное в 1853 году, сразу же вызвало к себе пристальный интерес современников. Причиной этому явились необыкновенная эмоциональная сила стихотворения и его несомненная аллегоричность.

«Образ пахаря в этих печальных строках, действительно, обладает какой-то особой поэтической силой и невольно влечет к расширительному толкованию... — пишет В. Аникин, исследователь Некрасова, —Вероятно, здесь действует закон художественных ассоциаций» [3].

Эта иносказательность печального рассказа о больном пахаре в разное время привлекала к себе многих переводчиков. На азербайджанский язык стихотворение переводилось неоднократно. Перевод Абдуллы Шанка отличается наибольшей поэтической приближенностью к оригиналу. Он кропотливо ищет и находит в родном языке верные изобразительные средства для точной передачи эмоционального настроения стихотворения. С большим художественным тактом переводчик находит нужный стиховой размер. Правда, четырнадцатисложный «хеджа» несколько увеличивает «площадь» стиха, но он же придает повествованию грустную монотонность — ассоциация с нескончаемым осенним дождем. Соблюдение парной рифмовки подлинника также создает атмосферу грусти и уныния.

Вот как звучит стихотворение в переводе:

Пајыз чоһдан кирмишдир. Гаргалар етмиш сәфар.

Чәләр бүтүн бошаламыш, чырчалагдыр мешәләр.

Анчаг бичиләмнишдир дәнә долмуш бир экин.

Гәмли-гәмли дүшүнүр кәдәрли инсан тәкин.

Санки вермиш баш-баша пычылдашыр сунбулләр:

«Бизә пајыз човгуну верир, сыхынты, кәдәр».

Добиваясь максимальной адекватности, и смысловой, и поэтической, Абдулла Шанк и в этом переводе остается верным собственному переводческому методу: строгой и ясной лексике, экономности выразительных средств, упругости и сжатости стиха. Тем ценнее эквилибрность перевода подлиннику при сохранении всех художественных особенностей оригинала.

В 1948 году Абдулла Шанк принимается за перевод вершины революционно-политической лирики Некрасова — стихотворения «Поэт и гражданин». Переводчика вдохновили его публицистичность, острый

дискуссионный накал, поэтичность. Больших успехов добился Абдулла Шаик в передаче художественных особенностей оригинала, в котором ораторская патетика сочетается с описаниями природы, а образные сравнения, метафоры, антитезы способствуют его социальной выразительности.

Перевод Абдуллы Шаика эквилинеарен подлиннику. В нем налично исчерпывающая передача идейно-смыслового содержания, тонкое постижение его поэтики, стилистических нюансов подтекста.

В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, —
Ты твердо светоч свой держал.
Но небу было неугодно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;

Бир вахта ки, азад вурнухур һейван,
Горхараг, авара доланыр инсан.
Сән шамы элиндә тутмушдун мөһкәм,
Анчаг о көләрин һәжинә кәрәк
Ки, ишыг сачараг халгын јолуна,
Боранлар алтында о аловлана.

Своевременность и значение некрасовского стихотворения состояло в том, что в нем шла речь об острейших вопросах современности. Клеймя тех, кто предан поклонению «единой личности своей», поэт обрисовывает картину, царящую в современном ему обществе.

Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помощь им. А остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи — третьи мудрецы:
Их назначенья — разговоры.

Несмотря на некоторую увеличенность в объеме, нижеследующий перевод этих строк передает поэтическую выразительность подлинника.

Һәр кимә эзиздир бу ана вәтән,
Бәхтијар үрәји даим олур шән,
Һагг она көмәкдир, бәс јердә галаң?
Онларын сөнүкдүр бүтүн диләји:
Бир гиәми оғрудур, газанч күдәндир.
Бир гиәми зөвг илә нәгмә охујан,
Үчүнчү—мүдрикләр, бүтүн истәји
Һәр јердә өзүнә хидмәтдир анчаг!

Как тонкий мастер стихосложения, Абдулла Шаик придавал огромное значение форме произведения, ее роли в раскрытии идейно-образного содержания. В переводе он использовал одиннадцатисложный размер, благодаря которому перевод звучит естественно и поэтично. С большим мастерством Абдулла Шаик сочетает разную рифмовку—перекрестную, опоясывающую, парную. Это разнообразие обуславливает гибкость интонации, непринужденность повествования, позволяет избежать монотонности в переводе.

Вот как отражается в переводе этот отрывок—поэтическая и эстетическая платформа Некрасова:

А ты поэт — избранник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что не имущий хлеба,
Не стоит вещей струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог в душе людей
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!

Еј көјүн сечилмиш шаири, ојан!
Ач һәгигәтләри, вер халга хәбәр.
Инанма, черәксиз, јохсул кимсәләр
Дәјмәз о гејбуку сазлы нәгмәнә.
Инанма, халгын мәһв олмуш дејәнә.
Халгыннн гәлбиндә өлмәмиш иман.
Көксүндә чаглајан фыртына, туфан
Көмәк ејләјәчәк она һәр заман.

Секрет большого переводческого успеха А. Шаика заключается в огромной взыскательности поэта в работе. С поразительным трудолюбием переводчик вновь и вновь отшлифовывает каждую строку, стремясь к максимальному тождеству.

По рабочим текстам переводов, любезно предоставленным нам членом-корреспондентом АН Азербайджанской ССР профессором К. Талыбзаде, можно проследить за эволюцией перевода, отметить, как оттачивалось мастерство поэта-переводчика.

«Афористически точные, концентрированные до предела формулы революционно-политической лирики, ставшие крылатыми еще при жизни автора» [1; 234], переводчик старается донести до родного читателя в таких же концентрированно-метких выражениях.

«Ты мог бы правильней судить,—отвечает Гражданин Поэту в их бурной полемике, —

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.

Таков первоначальный вариант этого отрывка:

Јанылдын, етмәдин дүз мүһакимә,
Шаир дә олмаја биләрсән, анчаг
Вәтәндаш олмагы мүмкүнмү данмаг?
Вәтәндаш кимләрдир? Дејиллир кимә?
Вәтәнә вә халга лајиг оғула.*

Но Абдулла Шаик его счел неубедительным. В результате поисков, неоднократной замены лексических эквивалентов, он приходит к такому звучанию перевода:

Сән шаир олмаја биләрсән, анчаг
Вәтәндаш олмага бил ки, борчлусан.
Вәтәндаш бәс кимдир? Бир дејин, бахаг?
Вәтәнә, халгына ән лајиг оғул.

* Рукопись этого варианта находится у сына А. Шаика, члена-корреспондента Академии наук Азерб. ССР, профессора К. Талыбзаде.

Сравнение нескольких вариантов переводов «Поэта и Гражданина» позволяло видеть как в последнем исчезало случайное, как возникало лучшее решение, более точная передача авторской мысли и образа.

В общем, перевод «Поэта и Гражданина» основан на глубоком прочтении оригинала и в наше время воплощает лучшие традиции азербайджанской школы поэтического перевода. При анализе перевода стихотворения яснее вырисовываются удачные находки, впрочем, видны и промахи. Например, в последней строфе стихотворения вновь появляется образ Музы, которая отвернулась от Поэта, «презренье горького полна».

О Муза, гостью случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы, кто знает? рок суровый
Все скрыл в глубокой темноте.

Перевод этого отрывка несколько отходит от верности оригиналу:

Еј ше'р париси, нечин бир заман
Галбимин свинн калирдин гонаг?
Дэдлы нәғмәләри јохса ки, чохдан
Гәза төһфә вермиш онунчун анчаг?
Ким биллир, һәр шеји бу та'ле, фәләк
Зүдмәтә көммүшдүр, чох агырдыр бу!

В последнем двустишии буквальный перевод также приводит к потерям — и смысловым, и поэтическим.

Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте.

Анчаг тәк кедирди тиканлы чәләнк
Сәнин о кәдәрли һүснүнә доғру.

В данном случае глагол «шел» употреблен в значении «подходил», «соответствовал», поэтому перевод должен был звучать примерно так:

Сәнин кәдәрли һүснүнә јалныз
Тиканлы чәләнк јарашырды.

Но эти незначительные промахи, конечно, не могут снизить поэтических достоинств большого труда переводчика.

Переводы Абдулла Шаика, несомненно, явились большим вкладом и в дело распространения некрасовского наследия в Азербайджане и в советскую школу переводческого искусства. Можно с уверенностью сказать, что принципы поэта-переводчика А. Шаика в значительной мере определили дальнейшие пути перевода на азербайджанский язык.

Примечания

1. Жданов В. Некрасов. — М., 1971, с. 388.
2. Любимов Н. Перевод — искусство. — М.: Сов. писатель, 1964, с. 255.
3. Аникин В. Кому на Руси жить хорошо? — М.: Худож. лит., 1973, с. 98.

Зенфира Гарабағлы

АБДУЛЛА ШАИГ НЕКРАСОВУН ТӘРЧҮМӘЧИСИ КИМИ

Абдулла Шаиг Азербайжан әдәбијаты тарихиндә тәкчә бир јазычы, драматург, педагог кими дејил, бачарығлы бир тәрчүмәчи кими дә мүһүм јер тутур. Хүсусилә онун

Крыловдан, Пушкиндан, Лермонтовдан, Толстојдан, Чеховдан, Горкидан етдији тәрчүмәләр чох кејфијәтлидир.

А. Шаиг 1948-чи илдән е'тибарән Н. А. Некрасов јарадычылығына хусуси марағ көстәрминч, онун «Поэт и гражданин», «Несжатая полоса», «С работы» ше'рлерини вә «Мороз—Красный нос» поемасынын бә'зи һиссаларини Азербайжан дилинә чевирмишдир.

А. Шаигин тәрчүмәләри Некрасов ирсинин Азербайјанда јайылмасында хусуси рол ојнамышдыр. Мәғаләдә бу мәсәләдән бәһс олунур.

Мәғаләдә Некрасов әсәрлеринин А. Шаиг тәрәфиндән Азербайјан дилинә тәрчүмәси илә бағлы мәсәләләрин шәрһинә кениш јер верилмишдир.